

Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований

doi: 10.22394/2074-0492-2021-3-52-77

Резюме:

Рынок социологических исследований, несмотря на все ограничения последних лет, демонстрирует заметный рост как в России, так и в мировом масштабе. Тем не менее достаточного количества сведений, которые могли бы помочь ответить на вопрос, с чем этот рост связан, у нас нет. Дело в том, что хоть какие-то данные об этом рынке, который во многом закрыт от внешнего наблюдателя, мы имеем только в случае с институционализированными игроками: организациями, чья деятельность доступна для аудита. В то же самое время наблюдается тенденция к расширению неинституционализированного сегмента этого рынка, о котором внешнему наблюдателю известно мало. Автор с опорой на актуальную литературу по данной теме предпринимает попытку рассмотрения процессов пролиферации исследовательских методологий и фьюжна полевых техник, которые приводят к бурному росту числа современных социальных обследований.

В статье дана методическая экспозиция современных подходов к проведению полевых работ в рамках прикладных социальных обследований. Автор реконструирует характерные для быстрой этнографии (REAPFQI+) концептуализации поля, аксиоматику полевой работы, а также представления о полевой прагматике, выражающиеся в выборе конкретных исследовательских методик. Делается вывод, что по сравнению с традиционными социологическими исследования-

Картавцев Владимир Владимирович — MA in Sociology (University of Manchester, МВШСЭН), директор Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры факультета городского и регионального развития Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва. Научные интересы: методология прикладных социологических исследований, социальные обследования, антропология бюрократии, организация полевых исследований, история и генеалогия исследовательских методов. Email: vkartavcev@hse.ru

В данной научной работе использованы результаты проекта «Полевые исследования: наука за пределами лабораторий и библиотек и ее современные трансформации», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

ми социальные обследования, выполненные в REAPFQI+-стилистике, не ставят перед собой задачи достижения научной истины, но являются в чистом виде техникой поля, идеал которой — прагматическое достижение прикладных результатов.

Ключевые слова: этнография, быстрая этнография, полевая работа, методика социальных исследований, прикладные методы исследований

Vladimir V. Kartavtsev¹

HSE University, Moscow, Russia

Rapid Ethnography (REAPFQI+): Toward the Pragmatics of Social Surveys

Abstract:

The market of sociological research, in spite of all the limitations of recent years, demonstrates notable growth, both in Russia and globally. Nevertheless, we do not have enough data that could help answer the question of what this growth is related to. The fact is that we have at least some data on this market, which is largely closed from the outside observer, only in the case of institutionalized players: organizations whose activities are available for audit. At the same time, there is a tendency towards the expansion of the non-institutionalized segment of this market, about which, in general, we know quite little. The author, relying on current literature on the subject, attempts to examine the processes of proliferation of research methodologies and a fusion of field techniques that are leading to a rapid growth of modern social surveys. The article provides a methodological exposition of contemporary approaches to fieldwork in applied social surveys. The author reconstructs the field conceptualizations characteristic of rapid ethnography (REAPFQI+), the axiomatics of fieldwork, and notions of field pragmatics expressed in the choice of specific research techniques. The conclusion is made that, in comparison with traditional sociological research, REAPFQI+-styled social surveys are not aimed at achieving scientific truth, but are purely a field technique, the ideal of which is the pragmatic achievement of applied results.

Keywords: ethnography, rapid ethnography, fieldwork, social research methodology, applied research methods

1 Vladimir V. Kartavtsev — MA in Sociology (University of Manchester, MSSS), Director of the Center for Applied and Field Research, Institute for Cultural Research, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, Moscow. Research interests: applied sociological research methodology, social surveys, anthropology of bureaucracy, field research organization, history and genealogy of research methods. Email: vkartavcev@hse.ru

Acknowledgement: The results of the project “Field Studies: Science beyond Laboratories and Libraries and Its Contemporary Transformations”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021, are presented in this work.

Поля за пределами институтов

Исследовательское пространство в области социальных наук расширяется. Об этом свидетельствует, с одной стороны, увеличивающаяся капитализация соответствующего рынка (как в глобальном масштабе, так и в российском контексте), а с другой — пролиферация методологий, позволяющая отдельным исследователям и их коллективам наращивать свое присутствие в рамках тех профессиональных сред (административной, коммерческой, благотворительной, общественно-политической и т. п.), границы которых не совпадают с границами академической науки. Другими словами, исследователей и исследований становится все больше, и они все чаще находят себе место за пределами институтов и лабораторий, мигрируя в сторону иных рынков.

Как глобальный, так и локальные рынки исследований можно условно разделить на две части: ту, которая является институционализированной, что дает возможность для ее оценки по тем или иным параметрам, и ту, которая появилась на стыке различных институциональных сред, существует благодаря своему пограничному положению и слабо поддается любым попыткам аудита.

Согласно свежим подсчетам, глобальный рынок маркетинговых исследований и исследований общественного мнения (имеющий свои стандарты качества, профессиональные ассоциации, этические кодексы, предоставляющий возможность для внешнего аудита и т. д.) начиная с 2008 г. демонстрирует кратный рост. Прибыль игроков этого рынка к 2019 г. выросла более чем в два раза, с \$32,5 до \$73,4 млрд [Market Research Industry — statistics & facts].

Та же тенденция наблюдается и в случае с российскими маркетингологами и полстерами. По информации Ассоциации ОИРОМ, «несмотря на временное замедление деловой активности, связанное с коронакризисом, в 2020 году рынок маркетинговых исследований в России составил 22,43 млрд рублей (+0.7%)» [Российский рынок маркетинговых исследований не заметил кризис 2019], т. е. продемонстрировал рост по сравнению с предыдущими замерами. Кроме финансовых показателей, характерных для сферы российских институционализированных исследований, нам известно кое-что и о ее структуре: «Исследованиями в стране занимается около 350 компаний. Из них 35-50 регулярно работают на национальном уровне, проводя исследования в нескольких регионах, около 250 региональных компаний могут быть как агентствами полного цикла (работают от получения заказа до написания презентации и отчета по проекту), так и проводящими только полевые работы (отбирают данные по заказу других компаний), еще около 20-30 — это вузовские коллективы и академические институты,

также работающие на рынке исследований» [Вызовы для социологов 2020].

Приведенную выше информацию необходимо воспринимать в качестве опорной, но не окончательной. Далеко не все исследовательские инициативы и практики поддаются учету (а тем более подсчету) даже в рамках более или менее прозрачной институционализированной среды. Относительно же того, что происходит за границами этой среды, нам известно по большому счету крайне мало для того, чтобы вести разговор «с цифрами на руках»: «Оценить количество собственных исследовательских подразделений, созданных компаниями смежных профилей (PR- и рекламными агентствами, консалтинговыми компаниями и т. п.), невозможно» [Там же].

Необходимо отметить, что приведенная выше типология компаний смежного профиля, конечно, неполная: во-первых, далеко не только компании (юридические лица) занимаются исследованиями, во-вторых, вовсе не обязательно, что целью их работы является исключительно PR, реклама, консалтинг или другие виды коммерческой (и, что важно, коммерциализируемой) деятельности. Кажется, что типологии в отношении этого (не поддающегося аудиту) сегмента пространства исследований, во всяком случае в России, выстраиваются с трудом, а те, что есть, работают плохо, иначе нам бы просто не приходилось говорить о нем в подобном ключе. Правильнее вести речь про *коллекции*, которые предполагают лишь первичное описание отдельных находок, но еще не их систематизацию.

55

В одном из своих последних интервью Сергей Алымов, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, совершенно верно, на наш взгляд, подметил, что «создается ощущение, что сейчас антропологом может себя назвать более-менее кто угодно» [Сейчас антропологом может себя назвать более-менее кто угодно 2021]. И не только антропологом, стоило бы добавить. Действительно, всякий, кто имеет пусть даже самое опосредованное отношение к индустрии исследований в России, подтвердит: исследованиями занимаются все. Это могут быть отдельные коллективы внутри академических институций, одинокие исследователи-фрилансеры, работающие в пользу разнообразных коммерческих компаний, сами компании, вырастившие внутри себя соответствующие компетенции, государственные органы, культурные и креативные институции, IT-специалисты, некоммерческие организации, активисты разнообразных мастей и их объединения, художники, политические партии, дизайнеры, СМИ, собственно исследовательские компании, не включенные в профессиональные сети профильных ассоциаций и объединений, волонтеры, журналисты, т. е. буквально кто угодно.

Другими словами, за пределами сферы маркетинговых исследований и исследований общественного мнения, которая в России в некоторой степени поддается наблюдению и учету, существует крайне разнородное пространство, также связанное с исследованиями, однако не соотносящее себя однозначно с каким-либо фиксированным набором методов, подходов, задач и ценностей. Более того, оно расширяется, причем не только не подчиняясь общепринятой логике институционализации, но и формируя собственные концептуализации поля, аксиоматику полевой работы, а также представления о полевой прагматике, выражающиеся в выборе конкретных исследовательских методик.

Часто бывает так, что результаты, к которым приходят те, кто занимается исследованиями «ниже радаров», неотчуждаемы — права на них принадлежат конечным заказчикам. Еще чаще неотчуждаемыми становятся описания методик их работы — во многом потому, что мир такого рода исследований существенно фрагментирован и не дает представления о том, с кем такими описаниями можно было бы поделиться, а также зачем это необходимо делать. Тем не менее крупные и публичные игроки этого исследовательского пространства время от времени дают возможность изучить свою внутреннюю методическую кухню, стиль которой в огромном большинстве случаев складывается из трех базовых компонентов: здравого смысла, наивности и мало чем ограниченной фантазии.

Вот как описывают свой подход к полевой работе коллеги из компании «Usabilitylab», которая более 15 лет успешно улучшает пользовательские интерфейсы для своих многочисленных клиентов: «Полевое исследование — это интервью, наблюдение или юзабилити-тестирование (или все сразу), которое проводится в условиях, где люди в реальности будут пользоваться продуктом (например, на рабочем месте, дома, в магазине, в метро, на улице). В полевом исследовании мы видим реальную ситуацию, в которой происходит взаимодействие с интерфейсом. Эта ситуация включает в себя факторы, которые нельзя воссоздать или о которых мы не узнаем в лаборатории, где среду взаимодействия создаем сами. Это могут быть особенности организации рабочего пространства, подсказки-стикеры, наклеенные на экран, общение с коллегами и клиентами, специальные устройства (например, дисплей Брайля), погодные условия и освещение (например, при тестировании банкоматов) [...] Классификация [полевых исследований]: опрос и/или интервью, наблюдение, эксперимент, панель» [Полевое исследование].

Другой пример. Вот так свое представление о полевой работе в 2018 г. эксплицирует куратор программы «Арт-Двор» фестиваля «Арт-Овраг» Святослав Мурунов. В рамках мероприятия в городе Выкса проводился ряд исследований, направленных на вовлече-

ние жителей города в реальные изменения среды. По словам Мурунова, «диапазон использованных технологий включал полевые исследования (метод рамок/метод социальных сценариев/двор как текст и другие), а также культурное картирование. Эта методика позволяет определить, какие базовые уклады есть в городе и в каком виде они представлены. Например, оказалось, что для выксунцев большое значение имеют уникальные крылечки у частных домов и такие раритеты, как выбивалки для ковров. На основе собранной информации была подготовлена лекция-рефлексия “Выбивалка для ковров как культурный код Выксы”» [Наша цель — научить жителей самих решать проблемы двора 2018].

У коллег из Яндекса давно существует своя Лаборатория исследования интерфейсов. Из некоторых материалов, которые находятся в свободном доступе, можно сложить определенное представление, как выглядит методика работы с участниками проводимых там исследований: «Лаборатория не специализируется на чем-то одном и обслуживает весь Яндекс. В ней изучаются как новые сервисы и функции, так и продукты, которые существуют уже давно — нам интересно, как люди их используют и все ли им кажется понятным. Респонденты помогают нам проверить ту или иную гипотезу или, скажем, выбрать самый удачный вариант интерфейса [...] Исследование в лаборатории обычно длится около часа. Оно мало напоминает соцопрос или собрание фокус-группы. Это, по сути, разговор за чаем — напитки и печеньки обязательно предлагаются всем гостям. Мы предпочитаем не звать в лабораторию группы респондентов — нам кажется, что проще понять человека во время беседы один на один. Если речь пойдет о веб-сервисе, мы предлагаем гостям сесть за компьютер, а если о приложении — взять в руки смартфон, а затем просим выполнить несложные действия: написать письмо, построить маршрут или что-нибудь поискать в интернете. Что именно надо делать, расскажет сотрудник лаборатории, — он может общаться с гостем лично или по громкой связи» [Как это устроено: лаборатория исследования интерфейсов 2016].

Понятно, что подобного рода экспликации как минимум удивят исследователей-профессионалов, однако не стоит думать, что эти кейсы были отобраны злонамеренно, чтобы автор мог занять какую-либо моральную или методическую высоту по отношению к описанным практикам. Также не стоит думать, будто эти случаи маргинальны и их появление можно списать на чью-либо некомпетентность, скорее, именно они и распространены массово. Другими словами, оставляя за скобками критику в адрес подобных находок, мы оставим в фокусе внимания исключительно особенности прагматик поля, описание и анализ которых, возможно, сможет приблизить нас к ответу на вопрос, что представляет собой простран-

ство современных российских прикладных полевых исследований (а также в силу чего оно расширяется), реализующихся вне институционализированной среды.

Социологические исследования vs социальные обследования

В этом смысле нам может существенно помешать одна вещь: терминологическая путаница, которая препятствует работе с различиями. В самом деле, если одинаковым образом понимать и то, что называется «исследованием» в случае очередного опроса, например, ВЦИОМ, проведенного согласно всем индустриальным стандартам, и то, о чем говорится в официальных документах Правительства, регулирующих сферу исследований [Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 г. № 662] в России, и то, что реализуется как исследование в рамках программы фестиваля «Арт-Овраг», то все, что нас в лучшем случае ждет — очередной виток спора прагматиков и пуристов [Vougioukalou et al., 2019], близкий по своей продуктивности к приснопамятной Q&Q-дискуссии [Bryman 1984]. Чтобы избежать этого, необходимо терминологически локализовать исследования первого (институциональные) и второго (пограничные, реализуемые в связи с существованием множества точек взаимоналожения различных организационных сред) типов.

Свои «Лекции по методологии социологических исследований» Г. С. Батыгин [1995] начинает с рассуждения о трех типах социологического дискурса: социологических доктринах (или учениях), социальных обследованиях и социологических исследованиях. Батыгин [Там же: 8, 9] пишет, что «если "высокие" социологические учения устремлены к последним истинам, социальные обследования ставят своей преимущественной целью как можно более полное описание социальных групп, образцов культуры, политических настроений и т. п. [...] Академическая социология вплоть до начала XX в. имела очень мало общего с социальными обследованиями, которые проводились не столько с научными целями, сколько для того, чтобы привлечь внимание общественности к "социальным проблемам", требующим безотлагательных реформ. [...] Понятие "социальные проблемы" сформировалось в начале XIX в. в контексте реформистской идеологии. Под социальными проблемами имелись в виду нищета, преступность, заболеваемость, проституция, неграмотность и т. п.»

Возникновение социологических исследований «стало возможным на пересечении академической социологической теории, практики массовых социальных обследований и техники экспериментальной проверки гипотез. Поворот от социальных обследований к социологическим исследованиям почти незаметен: первостепен-

ный интерес стали вызывать не сведения о жизни и не «паблсити» проекта, а универсальная связь между отдельными переменными. Восприняв математико-статистический аппарат, социология восприняла и нормы экспериментальной науки [...] Социологические исследования отличаются от социальных обследований, прежде всего, по цели: в первом случае целью работы специалиста является знание как самодостаточная ценность, во втором случае ценность достигаемых результатов определяется их информативностью и полезностью для общества» [Там же: 14].

Важно подчеркнуть, что, хотя перечисленные типы социологического дискурса возникали, во всяком случае в авторской реконструкции, в рамках стадийной схемы, тем не менее не предполагается, что существование предшествующих форм отрицается появлением последующих, об этом у Батыгина есть специальное уточнение. Другими словами, на данный момент нормальной является та ситуация, при которой все три описанных типа дискурса существуют одновременно, отличаясь друг от друга интенционально. Социологические учения порождены интенцией к созданию больших «функционально-аналитических систем» [Там же: 5], социальные обследования — интенцией к достижению общественного блага, социологические исследования — интенцией к достижению научной истины.

59

Если рассмотреть с этой точки зрения интересующий нас вопрос, то окажется, что существующие индустриальные типологии, которые могли бы схватывать разнообразие исследовательских практик и форм, со своей задачей не справляются, потому что почти никогда не бывает достаточным для того, чтобы что-то понять, указать, что исследователь X является маркетологом, а компания Y занимается массовыми опросами. Если же брать в расчет батыгинскую схему, учитывая возможность (и факт) одновременного существования всех трех типов социологического дискурса, то «разметка онтологии» мира исследований приобретет, с одной стороны, большую различительную силу, а с другой — позволит избавиться от необходимости обсуждать то, насколько научно-обоснованной является определенная исследовательская практика. Основное значение приобретет обсуждение прагматики, порожденной той или иной интенциональной установкой.

Другими словами, здесь мы должны провести *аналитическую* границу, отделяющую прагматику коллекции от аксиоматики типологии, учитывая, что *практически* одно вполне может сочетаться с другим. Полстер, занимающийся социальными обследованиями, может упорно искать статистически значимую взаимосвязь между переменными в своем массиве, а урбанист верить в то, что его инсайт про выбивалку для ковров каким-то образом связан с поис-

ком научной истины. Далее для простоты изложения мы будем пользоваться этой парой различений: социальные обследования (которые интенционально направлены на достижение общественного блага, будь то усовершенствование того или иного потребительского цифрового интерфейса или решение вопроса, как лучше обустроить двор в небольшом российском городе) и социологические исследования (интенциональность которых связана с поиском статистически значимой, доказуемой связи между переменными, например, между показателями экономического развития и показателями межличностного доверия, характерных для той или иной территории).

Тем не менее для того чтобы описать прагматику поля в дискурсивных границах социальных обследований, одного именования («что это?») будет недостаточно. Необходимо описать то, каким образом, с одной стороны, в их рамках концептуализируется поле («где это?»), а с другой — попытаться инвентаризировать методический арсенал современных социальных обследований («как это?»).

Прагматическая концептуализация поля

60

Базово распространены два взаимосвязанных подхода к определению того, чем является поле в области социальных исследований. Первый имеет дело с попытками определить поле теоретически, второй — практически. Число теоретических определений поля велико и разнообразно, и в рамках данной статьи было бы не слишком уместно погружаться в эту предметную область. Для построения внятной генеалогии [Арзютов, Кан 2013] теоретических представлений о поле нужно проводить большую и совершенно отдельную работу. Несмотря на то что термин «поле» заимствован, согласно общераспространенному убеждению, из области естественных наук [Stocking 1992], он стал конституирующим во многом именно для антропологии. Поле «помогает определить антропологию как дисциплину в двух смыслах слова как создающую пространство возможностей и одновременно задающую границы этого пространства» и выступает тем, что конституирует само понятие о «настоящей антропологии» [Gupta, Ferguson 1997].

Практическое определение поля архетипически связано с тремя базовыми характеристиками: временем (длительностью), расстоянием (удаленностью) и степенью чужеродности той культурной ситуации, в которой действует антрополог. Центральной из этих характеристик, прямо влияющих на качество работы антрополога (которая выражается в создании этнографического текста), согласно общепринятой конвенции, оказывается именно время — достоверно сделанное поле не может быть коротким [Wolcott 1980]. Если

пользоваться этим определением, то львиная доля современных прикладных социальных обследований в принципе не может быть признана достоверной. Они практически никогда не делятся в достаточной степени долго (академический стандарт предписывает делать поле около года).

Кроме двух перечисленных (теоретического и практического) подходов к определению того, чем является поле, есть и еще один: прагматический. Он опирается на представление, что поле локализуется не во времени и пространстве, а в самоощущении исследователя. Другими словами, поле начинается там и тогда, где и когда исследователь начинает себя в нем ощущать («being there» [Lewis, Russel 2011]). Для того чтобы начать полевое исследование, вовсе не обязательно покидать свой город и отправляться на поиски разнообразной экзотики. Путешествие может служить лишь техникой, которая сама по себе еще ничего не гарантирует и используется для переключения между двумя режимами исследовательской чувствительности: being here и being there.

Качество этого переключения и соответственно способность собрать необходимый полевой материал, согласно прагматической концептуализации, не связано не только с удаленностью поля, но и с его длительностью: «Можно хоть до конца света заниматься включенным наблюдением и при этом не создать ни капли этнографии [...] Мы слишком легко теряем из вида тот факт, что основная задача этнографии заключается вовсе не в воспроизводстве методологии, а в производстве интерпретаций» [Wolcott 1980: 158]. В рамках такого представления о поле значимой остается одна его конституирующая характеристика: способность исследователя удивляться тем обстоятельствам, в которых он очутился, будучи при этом концептуально и «интуитивно прозорливым» (serendipitous) [Lewis, Hudson, Painter 2018; Rivoal, Salazar 2013].

Важно, что прагматическая концептуализация поля не только позволяет вывести социальные обследования из-под критики, связанной в первую очередь с тем, что они не соответствуют временным стандартам, принятым в академии, но и что, возможно, еще важнее, позволяет изменить некоторые акценты во взгляде на этнографию как таковую. Действительно, если поле является конституирующим для нее концептом и мы рассматриваем его с описанной выше прагматической точки зрения, то этнография перестает быть зонтичным термином для обозначения определенного гнезда методик и превращается в артизанальную практику полевой интерпретации, жестко привязанной к особому типу чувствительности исполнителей. Кроме того, что эта трактовка этнографии любопытна сама по себе, она позволяет соотнести с полевой работой самые разнообразные способы сбора данных (помимо привычного

методологического набора в виде включенного наблюдения, интервью, полевых записей и т. п.) вплоть до любых количественных. Другими словами, данная точка зрения позволяет утверждать, что если поле (поле и этнография при этом фактически синонимы) начинается тогда, когда исследователь себя в нем ощутил, то ничто не мешает сказать, что к этнографической работе относится сочетание, например, серии интервью, UX-тестирований и опроса по панели, организованное, проведенное и приведшее к разработке необходимых прикладных рекомендаций, скажем, за две недели. И мерилom качества такой работы становится вовсе не время полевой работы, не строгое следование методологическим протоколам и предписаниям, а глубина и эвристическая ценность полученных полевых интерпретаций.

REAPFQI+-обследования

62

Именно благодаря такого рода подходу к концептуализации поля становится возможным то, что в англоязычной литературе получило название «быстрая этнографическая экспертиза» — Rapid Ethnography Assessment. Однозначно определить момент, от которого можно было бы отсчитывать появление данной практики, затруднительно. Исторически первыми возникают отдельные полевые решения, инсталлированные в разрозненные прикладные проекты. Именно поэтому некоторые авторы утверждают, что генеалогию «быстрой этнографии» можно возводить к 1950-м [Hildebrand 1979; Beebe 2001], когда впервые появляется упоминание, например, о технике *sondeo* (или зондирования), которая позволяла проводить быстрые обследования (или картирования) определенных территорий. Другие авторы отсылают скорее к 1970-м [Vindrola-Pardos 2020], третьи — уже к 1980-м, когда, как считается, в литературе появляются не только упоминания об отдельных практиках, но и систематическое описание быстрой этнографии как самостоятельной методологии полевой работы [Trotter et al. 2001].

К настоящему моменту не появилось единого термина, который однозначно схватывал бы то, что мы обозначили выше как REA, — «быстрая этнографическая экспертиза». Важно учитывать, что отсутствие такого общепринятого термина вовсе не говорит о том, что данная методология находится в становлении, являясь маргинальной. И, может быть, со временем, получив легитимацию, она будет так или иначе унифицирована и соответственно обретет закрепленное в определенном узусе наименование. Ранее мы писали, что социальные обследования существуют не в рамках какого-либо одного институционального контекста, что, вероятно, действительно позволило бы REA со временем легитимизироваться, а на стыках

и границах различных контекстов. Именно это обстоятельство, а также то, что социальные обследования по сути являются особой формой полевого дискурса, как об этом пишет Батыгин, централизованного не на институты, а на прагматику, дает методике возможность существовать в качестве обновляющейся под конкретные задачи сборки, не отсылающей себя к какому-либо из легитимирующих институтов или инстанций. Отсюда и такое разнообразие наименований: быстрая этнографическая оценка (REAs), процедуры быстрой оценки (RAP), быстрые качественные исследования (RQI) и просто быстрая этнография (QE) [Handwerker 2001] и т. д.

В этом смысле для обозначения того, о чем мы говорим, правильное всего было бы использовать открытую аббревиатуру типа REAPFQI+, учитывая, что отдельные элементы этой аббревиатуры вдобавок могут принимать различные значения. Чтобы проиллюстрировать, как работает этот конструктор, приведем небольшую таблицу (не)соответствий, принципиально не претендующую на полноту, так как к реальной конечной сборке всегда могут добавиться новые элементы.

Коллекция типов социальных обследований (REAPFQI+)

63

REAP	
REA	R — rapid, research, response
RARE	E — ethnographic, ethnography, evaluation
RAP	A — assessment, appraisal, anthropology, applied, action
PAR	P — process, procedures, participatory
FE	F — focused
RAAP	Q — qualitative
RAR	I — inquiry
RQI	

Исторически REAPFQI+ появляется в рамках тех социальных контекстов, в которых обстоятельства меняются быстро. Соответственно практические решения и рекомендации, которые производят исследователи, также должны появляться быстро в качестве оперативной реакции на изменяющиеся условия и запросы стейкхолдеров: «Быстрая экспертиза опирается на методы систематического сбора и анализа этнографических данных, при этом качественные методы дополняются и подкрепляются информацией, полученной в ходе опросов и непосредственного наблюдения [...] Она предоставляет информацию для выявления еще только формирующихся социальных состояний, которые пока не видны на других массивах данных, и позволяет разработать решения, успешно адаптированные к локальным условиям» [Ibid.: 139].

Первыми контекстами, в которых формировались REAPFQI+-обследования, были управление программами общественного здравоохранения (public health management [Abramowitz et al. 2015; Vindrola-Padros C., Vindrola-Padros B. 2018]), сельские исследования (rural studies [Chambers 1994a, 1994b]), городское планирование (urban planning [Brown et al. 2008; Taplin et al. 2002; Ervin 1997]). Чуть позже в этот список попадут и исследования человеко-машинного взаимодействия (HCI, human-computer interaction [Millen 2000]) — область, которая в связи с развитием изучения и проектирования цифровых интерфейсов даст много пространства для практик в духе REAPFQI+. Позже происходит проникновение REAPFQI+-стилистики и в иные исследовательские контексты [Impact of Integrated Fish Culture 1999; Jordan 2013].

64

В области изучения человеко-машинного взаимодействия, связанной с проектированием и разработкой цифровых интерфейсов, — процесса, где производственные циклы очень короткие и могут измеряться даже днями, — в рамках REAPFQI+-подходов разрабатываются методические рекомендации по углублению временных горизонтов поля (time deepening strategies): «во-первых, сузьте фокус полевого исследования соответствующим образом перед тем, как выйти в него. Исключите те виды полевой работы, которые не являются абсолютно необходимыми. Обращайтесь к ключевым информантам внутри интересующих вас сообществ и экстремальным пользователям. Во-вторых, старайтесь использовать несколько интерактивных методов наблюдения, чтобы увеличить вероятность обнаружения уникального и важного с точки зрения исследования поведения пользователей. В-третьих, анализируйте данные в командах и обращайтесь к тем возможностям, которые предоставляют методы итерационной автоматизированной обработки данных» [Millen 2000: 283].

Работа в командах и итерационный подход к работе над конкретным проектом — два фундаментальных основания методологии REAPFQI+. Третий — методическая триангуляция.

Правила метода

Исходя из описанного выше, становится понятно, почему обследования, выполняемые в логике REAPFQI+, почти никогда не делаются в одиночку. Практически невозможно реализовать прикладной проект, который подразумевает, с одной стороны, сжатость сроков, с другой — сбор и последующий анализ разнородных массивов данных, а с третьей — работу в рамках порой незнакомой предметной области силами одного исследователя (lone ethnographer). Именно поэтому REAPFQI+-обследования, как правило, опираются на меж-

дисциплинарные профессиональные команды [Sangaramoorthy, Karen 2020], состав которых подбирается для решения конкретных полевых и проектных задач. Важно подчеркнуть, что эти команды оказываются именно командами профессионалов, так как в проектах подобного рода есть лишь призрачный шанс на ошибку. Отведенное на их исполнение время, требование разработки практически применимых результатов, работа в узкоспециальных условиях и т. п. — все это делает порог входа в подобные коллективы довольно высоким. Коллаборативная работа в таких командах понимается в качестве необходимого методического решения, которое призвано ускорять процесс работ и повышать надежность полученных результатов. При этом совместную работу специалистов в рамках REAPFQI+-обследований не следует путать с тем, что в литературе обычно называется коллаборативной этнографией [Lassiter 2005]. Это направление полевой деятельности хотя и схоже с REAPFQI+, однако, как правило, не может быть с ним отождествлено. Другая важная особенность исполнения REAPFQI+-обследований связана с привлечением к работе над проектами членов местных сообществ, за счет чего реализуется логика партисипации [Schubotz 2019].

65

Один из радикальных кейсов адаптации логики партисипации для организации обследования описан на косоварском материале в конце 2000-х [Goerp et al. 2008]. Первоначальная задача международной команды врачей, прибывших в страну, заключалась в оценке уровня профессиональной подготовки медсестер неотложной помощи в спокойном режиме обмена опытом. Затем обстоятельства драматически изменились в связи с очередной вспышкой насилия в непризнанной республике. Это дало членам команды возможность изучить систему косоварского здравоохранения уже куда более непосредственным образом, погрузившись в экстренную работу одного из госпиталей, принимавших людей, получивших ранения и травмы. Принципиально, что международную, теперь уже «полевую» бригаду, составляли исключительно врачи и медсестры, некоторые из которых имели опыт проведения исследований (тогда в команде был профессиональный антрополог, занимающийся проблемами общественного здоровья) с опорой на процедуры REA (RAP) [Chin et al., 2004]. За время незапланированного проекта они собрали порядка 30 интервью со своими косоварскими коллегами: медсестрами и врачами неотложки. Их же силами проведены наблюдения за действиями медицинского персонала в критических ситуациях, а также организованы наблюдения за брифингами сотрудников госпиталя. Некоторые из глубинных интервью брались партисипантами непосредственно после того, как респонденты принимали участие в спасении неотложных пациентов.

Важно отметить, что в статье, во-первых, приравнивается применение практики accidental ethnography [Levitan, et al. 2020; Fujii 2015], которая в данном случае определяется через буквальную случайность и незапланированность поля, и процедуры REA (RAP), а во-вторых, утверждается, что сама процедура REA — это процедура, генеалогически восходящая к методологии grounded theory. К сожалению, глубокого развития последняя мысль в тексте не получила. В статье делаются лишь самые общие замечания на этот счет, без экспликации специфических техник получения и анализа данных, характерных для grounded theory.

Тем, кто практикует REAPFQI+-обследования, приходится постоянно сталкиваться как с критикой со стороны академического сообщества, представители которого в массе своей не готовы отказаться от усвоенной аксиоматики, касающейся процедурной стороны исследовательской работы, так и с опасениями заказчиков и стейкхолдеров проектов, переживающих за качество проводимых работ из соображений практического характера. Ответ на эту критику и опасения был найден со стороны тех, кто реализует прикладные проекты в стиле «быстрой этнографии». Он заключается в методической триангуляции процедур сбора и анализа полевых данных. Этого удается достичь, во-первых, за счет привлечения профессионалов из разных предметных областей. Итоговая работа с данными разных типов «максимизирует валидность и надежность» [Manderson 2001] интерпретаций, так как они подтверждаются и уточняются в результате совмещения массивов данных, полученных, например, из открытых источников (вторичные данные), данных массовых опросов, которые могут быть довольно быстро организованы на той или иной локальной территории, данных интервью и фокус-групп, данных прогулок с респондентами, сопровождаемыми неструктурированными интервью, данных, собранных в социальных сетях и медиа и т. п.

Другой практикой, повышающей достоверность итоговых интерпретаций, является создание пакетных методических решений для работы с однотипными задачами. В таком случае у исследователей появляется возможность сопоставления результатов текущего проекта с результатами предыдущих, что позволяет избегать ошибок и наращивать собственную экспертизу в определенной предметной области.

Третьей составной частью методической триангуляции становится принципиальная открытость исследовательского дизайна, что подразумевает возможность быстрой адаптации решений, принимаемых в поле, под конкретные изменяющиеся условия (emerging conditions). Это важно: если команда сталкивается с чем-либо, что предполагает введение в проект новых специалистов, обладаю-

щих недостающими на проекте компетенциями, внедрения новых методик сбора данных, подключения к работе партисипантов, изменения базовых гипотез самого обследования [Tarplin et al. 2002: 81] и т. д., значит, по большому счету *поле состоялось*, а результаты, к которым пришли полевики, валидны. Мы можем это утверждать постольку, поскольку всякий фиксированный исследовательский дизайн, опирающийся на неизменяемый набор исходных посылок относительно *будущего* поля, обладает принципиальной неполнотой и не схватывает динамики обстоятельств поля *реализующегося*.

Если принимать во внимание это рассуждение, то подход REAPFQI+-обследований следует признать конструктивистским: социальная реальность не поддается *изучению* в том же режиме, в котором ее предлагается изучать, действуя в рамках натуралистской метафорик. Она *создается* в процессе ее изучения, и труд по ее созданию ложится на плечи исследователей, информантов и всех тех «нечеловеческих актантов», которые их окружают: «... если натуралистская точка зрения заключается в том, что социальный мир в некотором смысле существует, является внешней реальностью, доступной для наблюдения и описания исследователем, то конструктивистская точка зрения заключается в том, что социальный мир постоянно создается, и поэтому акцент делается на понимании производства этого социального мира» [Elliot 2005: 18]. Конструктивистский подход на данный момент наиболее развит применительно к глубинным интервью [Mishler 1986; Gubrium, Holstein 1997] и другим традиционным качественным методам, однако мало что мешает распространить его и на иные полевые техники, так как все они носят в той или иной степени коммуникативный характер.

67

Принципиальная открытость исследовательских дизайнов, характерная для REAPFQI+-обследований, вовсе не предполагает хаоса и бесконтрольного творчества исполнителей. Внутренние способы поддержания качества процесса обследования опираются на фреймворк итерационного контроля, подразумевающего:

- регулярное «перевзвешивание» промежуточных результатов обследования в связи с новой входящей информацией;
- регулярную постановку новых исследовательских вопросов, решение которых обогащает итоговые прикладные рекомендации;
- регулярную ревизию применяемых методов и оценку необходимости привлечения дополнительных специалистов.

Контроль за соблюдением общих правил подобного рода должен осуществляться силами внешних проверяющих инстанций: профессиональных ассоциаций, этических комитетов, редакций журналов, в которых публикуются статьи, написанные по итогам

реализации тех или иных проектов и т. п. Тем не менее в случае с REAPFQI+-обследованиями это затруднено, выше мы подробно писали, почему именно. В этой связи один из апологетов быстрой этнографии Джеймс Биб настаивает на том, чтобы помимо методической триангуляции, итерационности и кросс-профессиональности команд необходимо внедрять в качестве стандарта еще один протокол проведения REAPFQI+-обследований — транспарентность: «Гибкость — основное свойство техники быстрой экспертизы (rapid appraisal), позволяющее применять ее к самым различным контекстам; она является одним из основных достоинств подхода. Однако этой гибкостью можно злоупотреблять, и некоторые интерпретируют ее как возможность или делать что угодно, или почти ничего не делать и при этом называть это “быстрой экспертизой”. С этой проблемой позволило бы справиться использование стандартизированного набора исследовательских техник, но, к сожалению, это возможно только за счет редукции гибкости. Альтернативой стандартизации является документирование используемых [в поле] подходов и методов [...]. Контрольные списки, чек-листы, документирующие то, что именно было сделано, позволят читателям отчета судить о качестве проведенной работы...» [Beebe 1995: 47].

Сводные родственники REAPFQI+-обследований

Прикладные исследования, выполняемые в рамках REAPFQI+-стилистики, находят свое применение, как правило, в тех контекстах, где практические решения необходимо принимать быстро: в медицине, городском планировании, сфере разработки IT-продуктов и т. п. Помимо этого требования стоит учитывать также и то, что указанные контексты, представляющие собой поля в тот момент, когда к их изучению приступают исследовательские команды, трансформируются непосредственно в момент исследования, порождая те самые *emerging conditions*, реакцией на которые выступают правила метода REAPFQI+, характеризующиеся в первую очередь гибкостью полевых техник. В этой связи необходимо рассмотреть еще как минимум три фиксируемых в литературе подхода к концептуализации полевых работ, сопоставление с которыми даст возможность фактурнее представить REAPFQI+-обследования. Мы говорим об интуитивной этнографии (*intuitive ethnography*), случайной этнографии (*accidental ethnography*) и десантной антропологии (*parachute anthropology*).

Интуитивная этнография — подход, сформировавшийся в качестве протеста ряда представителей западной академической среды против конвенциональных аналитических стратегий и практик

этнографического письма. По большому счету подходом интуитивную этнографию назвать сложно. Если проанализировать литературу, то становится ясно, что в данном случае мы скорее имеем дело с набором довольно разрозненных заявлений, фиксирующих сам факт недовольства общепринятыми рамками метода.

Суть интуитивной этнографии как заявления заключается в призыве к пересмотру этих рамок, отказе от тщательного планирования полей, придания респондентам статуса полноправного субъекта исследования, усиления роли креативности (в противовес объективности) в этнографических текстах и т. п.: «За последние два десятилетия в рамках социальных и гуманитарных наук были разработаны гораздо более проникательные способы анализа и письма. Автоэтнография — один из них, но творческая этнография теперь гораздо шире и включает в себя поэзию, драму, подкасты и фильмы; короче говоря, творческие этнографы разработали массу размытых жанров. Некоторые из них сейчас приняты в канон, другие все еще считаются экстравагантными. Бронвин Дэвис и Сюзанна Гэннон утверждают, что такие методы, как автоэтнография, открывают возможности, "подавляемые аналитическими стратегиями, которые набрасывают завесу молчания на эмоции и тела". Подобное исследование возможностей этнографии выдвигает на передний план [...] рискованные, интуитивные способы проведения исследований, учитывающие уязвимость, противоречивость условий исследования, создающие неполноту и предварительность объектов полевых исследований [...], допускающие возможность того, что респонденты создают поле для нас и несмотря на нас» [Bönisch-Brednich 2018: 155].

69

Посылка, содержащаяся в этом и подобных манифестах, повествующих об интуитивной стороне полевой работы, о неполноте наших представлений о полевых условиях, о влиянии разнообразных неучитываемых факторов на конкретный сеттинг поля и т. п., вполне может быть соотнесена со стилистикой подхода REAPFQI+-исследований, что тем не менее позволяет отождествить одно с другим. Интуитивная этнография, обладая эмансипаторным пафосом, не дает никаких эвристик, необходимых для прикладной работы. Другими словами, являясь скорее поэтическим жестом и прославляя раскрепощение чувствующего, эмпатирующего и пишущего академического субъекта, она бесполезна в рамках жестких ограничений прагматики прикладных полей. Одно дело, когда перед вами стоит задача передать на письме мастерски отрефлексированные переживания по поводу увиденного в отделении неотложной помощи в одной из косоварских больниц, и совсем другое — когда вам необходимо разработать систему метрик для оценки эффективности подготовки медсестер.

Случайная этнография в этом смысле куда ближе к REAPFQI+, так как решает одну простую задачу: разработать механизм включения в этнографические дата-сеты тех данных, которые не учитывались в качестве релевантных на этапе разработки дизайна полевого исследования. Авторы, развивающие это направление, исходят из того наблюдения, что исследователь фактически действует на границе двух миров. В качестве практика он сотрудничает с некоммерческими, государственными и корпоративными организациями, которые копят собственные массивы данных, редко покидающие их стены и используемые для внутренних целей, а в качестве члена академического сообщества исследователь вынужден действовать иначе и по другим правилам, планируя уже не прикладные проекты, а научные исследования. Суть АссЕ (accidental ethnography) заключается в разработке таких подходов, которые позволили бы использовать данные, полученные исследователем в рамках прикладных проектов, при исполнении проектов академического характера, расширяя тем самым пространство для возможных интерпретаций: «Некоторые примеры данных, используемых в АссЕ, включают в себя демографические данные, документы и иные регулярно собираемые в организациях данные, [которые используются] в дополнение к размышлениям, заметкам и наблюдениям, сделанным исследователем в сотрудничестве с той или иной организацией. Эти данные обычно не используются в исследовательских целях за пределами конкретного сообщества или организации» [Levitan et al. 2020: 339].

70

Обращает на себя внимание тот факт, что для теоретиков АссЕ первостепенное значение имеет все же задача повышения качества академических исследований, выполненных в рамках этнографической традиции. Если посмотреть с другой точки зрения, то данные академических исследований довольно часто используются в рамках прикладных проектов, выполненных в интересах неакадемических организаций, тогда как обратная ситуация встречается значительно реже. Проприетарные организационные данные довольно редко используются в качестве массивов, доступных для академических исследователей. Несложно видеть, что подобная постановка вопроса нехарактерна для REAPFQI+-обследований, хотя общий пафос схож: необходимо пользоваться, по возможности, любыми данными для качественного и быстрого решения имеющихся задач.

Десантная антропология/этнография и шире десантная наука (parachute science) — термин, с одной стороны, анекдотичный [Pedelty 2004], с другой — активно используемый публицистами [Wudan 2017], с третьей — закрепленный в авторитетных академических словарях [Vivanco 2018]. Суть его проста, так как позволяет репрезентировать те научные изыскания, которые проводятся на определен-

ной территории спорадически, в режиме набега и без достаточного погружения в тот или иной контекст и его динамику, которую можно наблюдать исключительно за счет длительных полей. Понимаемая в этом духе, любая десантная наука, будь то антропология или океанография, критикуется и представителями академического сообщества, и общественностью, причем иногда с опорой не только на конвенциональную этику научных исследований и традиционные правила метода, но и с привлечением конкретных доказательств ошибочности скоропалительных выводов, полученных в ходе эпизодических экспедиций и поверхностных наблюдений.

Вместе с тем десантная антропология является продуктивной метафорой, подчеркивающей характер тех полей, которые либо возникают внезапно (например, в случае с природными или техногенными катастрофами), либо должны быть изучены незамедлительно (например, очаг распространения заболевания), либо предполагают радикально быструю по академическим меркам смену текущих обстоятельств (например, место активных боевых действий). Парадигматическим примером десантной антропологии служит исследовательский кейс Энтони Оливера-Смита, изучавшего последствия разрушительного землетрясения, произошедшего в Перу в 1970 г. и унесшего жизни более 70 тыс. человек. На основании этого исследования, которое по понятным причинам не могло быть спланированным заранее, Оливер-Смит [Oliver-Smith 1996] позже разовьет целое направление в рамках своей дисциплины — антропологию бедствий и катастроф.

71

Несложно заметить, что примеры внезапно возникающих, подлежащих незамедлительному изучению и быстро меняющихся полей могут быть куда менее радикальными. Вместо того чтобы вести речь про катастрофы, войны и очаги эпидемий, можно говорить о, например, повышении эффективности работы неотложки, внезапно возникшей необходимости в реновации пространства городского парка, рыночной гонке при разработке новых элементов интерфейса цифрового приложения. Пафос высказывания будет значительно снижен и приближен к условиям большинства реальных прикладных полевых проектов, в то время как метафора продолжит отлично работать.

В этом смысле десантной этнографией вполне могут быть названы если не все, то значимое большинство REAPFQI+-обследований. Другое дело, что ничего, кроме некоторой риторической изысканности, такое словоупотребление не добавит ни в плане прояснения статуса обследований такого рода, ни в плане анализа особенностей их методики, ни в плане прояснения конкретной прагматики тех или иных полей. Главное, чтобы не называли десантной наукой в плохом смысле слова.

Заключение

Вопрос, которым мы задались в начале этого текста, звучал довольно просто: за счет чего прямо сейчас на наших глазах происходит значительное расширение пространства исследований? Отчасти это связано с растущей сциентификацией процесса принятия решений. Органы государственной власти, корпорации и организации третьего сектора экономики возлагают большие надежды на те возможности, которые предоставляют новые способы сбора, хранения и обработки данных. В этой связи их обращение к представителям академической среды и к представителям частных компаний, занимающихся консалтингом на основе данных (будь то данные полстеров, рекламщиков, биг-дата-аналитиков или маркетологов), закономерно, так же как закономерно и желание интернализировать экспертизу подобного рода.

С другой стороны, мы фиксируем и иную тенденцию, связанную в первую очередь с усложнением внутреннего устройства тех обществ, которые могут позволить себе содержание инфраструктур, дающих возможность принимать решения на основе данных. Это усложнение выражается в увеличении количества институциональных контекстов, каждый из которых имеет (или потенциально может иметь) точки соприкосновения с другими. Академически укорененный философ, занимающийся прикладной урбанистикой, или политик, выступающий заказчиком массового опроса, или социолог, проводящий исследования в пользу некоммерческих организаций, или музыкант, анализирующий в качестве научного сотрудника результаты парсинга соцмедиа, — все эти типы уже давно не вызывают ни у кого большого удивления как минимум потому, что можно представить себе и более экзотические сочетания, которые при этом тоже не будут слишком маргинальными.

Взаимоналожение этих двух тенденций выводит исследования из домена чистой науки, понимаемой в качестве замкнутого региона смыслов. Исследовательская деятельность все чаще оказывается связана и с другими регионами смыслов [Гаазе, Колозариди 2020], иногда с несколькими одновременно, что превращает их из практики по поиску истины в различные другие практики, например, направленные на достижение определенного политического идеала, эстетического идеала, общего блага в отдельной локализованной области социальной реальности, управленческого результата в сфере социальной инженерии, финансового результата в коммерции и т. п.

По своей сути этот процесс не является какой-то новостью, как не является новостью и то, что академический ученый Макс Вебер был еще и видным политическим практиком, представители

Франкфуртской школы социальных исследований занимались прикладным изучением рекламы, а Пол Лазарсфельд разрабатывал делиберативные техники принятия политических решений, не говоря уже про когорту обследователей конца XIX — начала XX века, которые занимались прикладным решением конкретных социальных проблем.

Все три типа социологического дискурса — теоретические исследования, социальные обследования и социологические исследования — с определенного момента начинают существовать одновременно, будучи, правда, представлены в той или иной географической и культурной ситуации в различных пропорциях. Описание причин, в связи с которыми какой-то из дискурсов становится заметнее и закрепляется на большем количестве институциональных высот, — задача, выходящая далеко за рамки этого текста. Мы лишь укажем на то, что и так бросается в глаза: пролиферацию и фьюжн полевых исследовательских техник, ситуативные сборки которых мы обозначили как REAPFQI+-обследования.

REAPFQI+ помимо всех перечисленных выше особенностей обладает еще одним свойством, на которое мы бы хотели обратить внимание. Это — его высокая проблематизирующая способность, которая связана с возможностью отнесения метода к различным регионам смыслов, а не только региону смыслов науки, что делает REAPFQI+ чистой *техникой поля*, идеалом которой является не столько истина, сколько прагматика, искусство возможного.

73

Библиография / References

Арзютов Д. В., Кан С. А. (2013) Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии. *Этнографическое обозрение*, 6: 45–68.

— Arzyutov D. V., Kahn S. A. (2013) The Concept of Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography. *Ethnographic Review*, 6: 45–68 — in Russ.

Батыгин Г. С. (1995) *Лекции по методологии социологических исследований*, М.: Аспект Пресс.

— Batygin G. S. (1995) *Lectures on the Methodology of Sociological Research*, Moscow: Aspect Press. — in Russ.

Вызовы для социологов (2019) (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/09/07/838944-vizovi-sotsiologov>)

— Challenges for Sociologists (2019) (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/09/07/838944-vizovi-sotsiologov>). — in Russ.

Как это устроено: лаборатория исследования интерфейсов (2016) (<https://yandex.ru/blog/company/kak-eto-ustroeno-laboratoriya-issledovaniya-interfeysov>)

— How It Works: Interface Research Lab. (2016) (<https://yandex.ru/blog/company/kak-eto-ustroeno-laboratoriya-issledovaniya-interfeysov>). — in Russ.

Наша цель — научить жителей самих решать проблемы двора (2018) (<https://archi.ru/russia/79677/svyat-murunov-nasha-cel-nauchit-zhitelei-obyedinyatsya-i-vmeste-reshat-problemy-svoego-dvora>)

— Our goal is to teach residents to solve their own backyard problems (2018) (<https://archi.ru/russia/79677/svyat-murunov-nasha-cel-nauchit-zhitelei-obyedinyatsya-i-vmeste-reshat-problemy-svoego-dvora>). — in Russ.

Онлайн популярнее CATI: исследователи измерили структуру и объем своего рынка (2019) (<https://www.sostav.ru/publication/onlajn-populyarnnee-cati-issledovateli-izmerili-obem-i-strukturu-svoego-rynka-38370.html>)

— Online is more popular than CATI: Researchers measured the structure and size of their market (2019) (<https://www.sostav.ru/publication/onlajn-populyarnnee-cati-issledovateli-izmerili-obem-i-strukturu-svoego-rynka-38370.html>). — in Russ.

Полевое исследование (2018) (<https://usabilitylab.ru/usability/polevoe-issledovanie/>)

— Field Study (2018) (<https://usabilitylab.ru/usability/polevoe-issledovanie/>). — in Russ.

Постановление Правительства Российской Федерации от 25.05.2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации» (2019) (<http://government.ru/docs/all/122158/>)

— Decree of the Government of the Russian Federation of 25.05.2019 No. 662 “On Approval of the Methodology of Sociological Research to Assess the Level of Corruption in the Constituent Entities of the Russian Federation”. (2019) (<http://government.ru/docs/all/122158/>). — in Russ.

Российский рынок маркетинговых исследований не заметил кризис (2019) (<https://www.sostav.ru/publication/rossijskij-rynok-marketingovykh-issledovaniy-demonstriruet-organicheskij-rost-35349.html>)

— The Russian Market Research Market Has Not Seen the Crisis (2019) (<https://www.sostav.ru/publication/rossijskij-rynok-marketingovykh-issledovaniy-demonstriruet-organicheskij-rost-35349.html>). — in Russ.

Рынок маркетинговых исследований в России не снизился по сравнению с предыдущим годом (2020) (<https://oirom.ru/itogi-2020-goda>)

— The market for marketing research in Russia has not declined from the previous year (2020) (<https://oirom.ru/itogi-2020-goda>). — in Russ.

Сейчас антропологом может себя назвать более-менее кто угодно (2021) (<https://gorky.media/context/sejchas-antropologom-mozhet-sebya-nazvat-bolee-menee-kto-ugodno/>)

— Anyone can now more or less call themselves an anthropologist (2021) (<https://gorky.media/context/sejchas-antropologom-mozhet-sebya-nazvat-bolee-menee-kto-ugodno/>). — in Russ.

Гаазе К., Колозариди П. (2020) *Социальные исследования после метода. Запись регулярного семинара Research&Write*. (<https://youtu.be/7lQNJBoT44>)

- Gaaze K., Kolozaridi P. (2020) *Social Research After Method. Recording of the regular Research&Write workshop*. (<https://youtu.be/7lQHJaBoT44>). — in Russ.
- Abramowitz S. et al. (2019) Community-centered responses to Ebola in urban Liberia: The view from below. *PLoS Neglected Tropical Diseases*, 9 (4): e0003706.
- Beebe J. (1995) Basic Concepts and Techniques of Rapid Appraisal. *Human Organization*, 54 (1): 42-51.
- Beebe J. (2001) *Rapid Assessment Process: An Introduction*, AltaMira Press.
- Bönisch-Brednich B. (2018) Praise of Hunches. *Commoning Ethnography*, 1 (1): 152-158.
- Brown D. et al. (2008) A participatory action research pilot study of urban health disparities using rapid assessment response and evaluation. *American Journal of Public Health*, 98 (1): 28-38.
- Bryman A. (1984) The Debate about Quantitative and Qualitative Research: A Question of Method or Epistemology? *The British Journal of Sociology*, 35 (1): 75-92.
- Chambers R. (1994a) Participatory rural appraisal: Analysis of experience. *World Development*, 22 (9): 1253-1268.
- Chambers R. (1994b) The origins and practice of participatory rural appraisal. *World Development*, 22 (7): 953-969.
- Chin N. P., Goepf J. G., Malia T., Poordabagh A. (2004) Planning emergency medical services for children in Bolivia: part 1-the use of rapid assessment procedures. *Pediatric Emergency Care*, 20 (9): 593-598.
- Elliott J. (2005) *Using narrative in social research: qualitative and quantitative approaches*. SAGE.
- Ervin A. (1997) Trying the Impossible: Relatively „Rapid“. Methods in a City-Wide Needs Assessment. *Human Organization*, 56 (4): 379-387.
- Fujii L. (2015) Five Stories of Accidental Ethnography: Turning Unplanned Moments in the Field into Data. *Qualitative Research*, 15 (4): 525-539.
- Goepf J. et al. (2008) Challenges and Promises for Nurse Education Curriculum Development in Kosovo: Results of an “Accidental Ethnography”. *Nurse Education Today*, 28 (4): 419-426.
- Gubrium J. F., Holstein J. A. (1997) *The New Language of Qualitative Method*, Oxford: Oxford University Press.
- Gupta A., Ferguson J. (1997) Discipline and Practice: “The Field” as Site, Method, and Location in Anthropology. *Anthropological Locations. Boundaries and Grounds of a Field Science*. University of California Press: 1-46.
- Handwerker P. (2001) *Quick ethnography*. AltaMira Press.
- Hildebrand P. (1979) *Summary of the sondeo methodology used by ICTA. Paper presented at the Rapid Rural Appraisal Conference at the Institute of Development Studies*, Brighton: University of Sussex. Impact of Integrated Fish Culture on Resource Limited Farms in Guatemala and Peru. CRSPs (<http://crsps.net/resource/impact-of-integrated-fish-culture-on-resource-limited-farms-in-guatemala-and-peru/>)
- Jordan B. (2013) *Advancing ethnography in corporate environments: challenges and emerging opportunities*, Left Coast Press, Inc.

Lassiter L. (2005) *The Chicago guide to collaborative ethnography*, Chicago: University of Chicago Press.

Levitan J. et al. (2020) Accidental Ethnography: A Method for Practitioner-Based Education Research. *Action Research*, 18 (3): 336–352.

Lewis S., Hudson M., Painter J. (2018) Revealing a 'hidden civil war': A serendipitous methodology. *Messy Ethnographies in Action: Tales from the Field*, Wilmington: Vernon Press: 13–22.

Lewis S., Russell A. (2011) Being embedded: A way forward for ethnographic research. *Ethnography*, 12 (3): 398–416.

Manderson L. (2001) *Population and Reproductive Health Programmes: Applying Rapid Anthropological Assessment Procedures*, New York: United Nations Population Fund Technical Reports. (<http://www.amazon.co.uk/population-reproductive-health-programmes-anthropological/dp/b0006r9rjm>)

Market research industry — statistics & facts (<https://www.statista.com/topics/1293/market-research/>)

Millen D. (2000) Rapid Ethnography: Time Deepening Strategies for HCI Field Research. *Proceedings of the Conference on Designing Interactive Systems Processes, Practices, Methods, and Techniques*, ACM Press: 280–286.

Mishler E. G. (1986) *Research Interviewing: context and narrative*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Oliver-Smith A. (1996) Anthropological research on hazards and disasters. *Annual Review of Anthropology*, 25 (1): 303–328.

Pedelty M. (2004) Parachute Anthropology? *Anthropological Quarterly*, 77 (2): 339–348.

Rivoal I., Salazar N. (2013) Introduction: Contemporary ethnographic practice and the value of serendipity. *Social Anthropology*, 108: 178–185.

Sangaramoorthy T., Karen K. (2020) *Rapid Ethnographic Assessments: A Practical Approach and Toolkit for Collaborative Community Research*, Routledge.

Schubotz D. (2019) *Participatory research: why and how to involve people in research*, SAGE.

Stocking G. W. (1992) The Ethnographer's Magic Fieldwork in British Anthropology from Tylor to Malinowski. *The Ethnographer's Magic and Other Essays in History of Anthropology*, Madison: University of Wisconsin Press: 12–59.

Taplin D. et al. (2002) Rapid Ethnographic Assessment in Urban Parks: A Case Study of Independence National Historical Park. *Human Organization*, 61 (1): 80–93.

Trotter R. et al. (2001) A Methodological Model for Rapid Assessment, Response, and Evaluation: The RARE Program in Public Health. *Field Methods*, 13 (2): 137–159.

Vindrola-Padros C., Vindrola-Padros B. (2018) Quick and Dirty? A Systematic Review of the Use of Rapid Ethnographies in Healthcare Organisation and Delivery. *BMJ Quality & Safety*, 27 (4): 321–330.

Vindrola-Padros C. (2020) *Rapid ethnographies: a practical guide*, Cambridge University Press.

Vivanco L. (2018) *A Dictionary of Cultural Anthropology*, Oxford University Press.

Vougioukalou S. et al. (2019) The contribution of ethnography to the evaluation of quality improvement in hospital settings: Reflections on observing co-design in intensive care units and lung cancer pathways in the UK. *Anthropology & Medicine*, 26 (1): 18-32.

Wolcott H. (1980) *Ethnographic Research in Education*, Washington, DC.

Wudan Y. (2017) *The pandemic is undoing field researchers' oldest assumption* (<https://www.theatlantic.com/science/archive/2021/04/parachute-science-doesnt-work-in-a-pandemic/618522/>)

Рекомендация для цитирования:

Картавец В. В. (2021) Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых исследований. *Социология власти*, 33 (3): 52-77.

For citations:

Kartavtsev V. V. (2021) Rapid Ethnography (REAPFQI+): Toward the Pragmatics of Social Surveys. *Sociology of Power*, 33 (3): 52-77.

Поступила в редакцию: 19.09.2021; принята в печать: 04.10.2021

Received: 19.09.2021; Accepted for publication: 04.10.2021